

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК 330.33.01

В. Т. РЯЗАНОВ,
*профессор, доктор экономических наук,
завкафедрой экономической теории экономического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ КРИЗИСА: СТАНЕТ ЛИ ОНА СНОВА КЕЙНСИАНСКОЙ? *

Проанализирована концепция выхода из кризиса, предложенная П. Кругманом. Раскрыты теоретические постулаты и практические рекомендации кейнсианской научной школы, обоснованы возможности ограничения их использования на современном этапе.

Ключевые слова: мировой кризис, неустойчивый рост и его причины, кейнсианство, совокупный спрос, долг, экономическое реформирование, факторы роста, импортозамещение, новая индустриализация.

V. T. RYAZANOV,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Head of the Chair of Economic Theory, Faculty of Economy,
St.-Petersburg State University*

ECONOMIC POLICY AFTER THE CRISIS: WILL IT BECOME AGAIN KEYNES' ONE?

Krugman's conception of an exit from the crisis is analyzed. The theoretical postulates and the practical recommendations of Keynes' scientific school are presented, and the possibilities to restrict their application on the modern stage are substantiated.

Keywords: world crisis, unsteady growth and its reasons, Keynesianism, aggregate demand, debt, economic reformation, growth factors, import substitution, new industrialization.

Мы явно живем в мире, описанном этим человеком
(Дж.М. Кейнс. — *В.Т.Р.*).
П. Кругман [1, с. 74]

Последняя книга П. Кругмана "Выход из кризиса есть!" [1], как и его более ранняя монография "Возвращение Великой депрессии?" [2], — хороший повод для обсуждения складывающейся ситуации в мировой экономике и отдельных странах. В этой связи особый интерес вызывают высказанные В.М. Гейцем и А.А. Гриценко оценки этой книги в контексте анализа проводимой антикризисной политики в странах с переходной экономикой [3]. Они тем более актуаль-

Рязанов Виктор Тимофеевич (Ryazanov Viktor Timofeevich) — e-mail: v.rjazanov@mail.ru.

* Материал публикуется в порядке дискуссии, начало которой положили академик НАН Украины В.М. Гец и член-корреспондент НАН Украины А.А. Гриценко статьей "Выход из кризиса (Размышления над актуальным в связи с прочитанным)" // Экономика Украины. — 2013. — № 6. — С. 4–19.

ны, что глубина и длительность кризиса, сохраняющиеся трудности выхода из него требуют переосмысления теоретических взглядов как на природу кризиса и антикризисного регулирования, так и на содержание самой макроэкономической политики, реализуемой в нынешний посткризисный период.

С самого начала стоит заметить, что острое противостояние кейнсианства (от момента его зарождения) и антикейнсианства, представленного прежде всего неолибералами разных направлений, имеет давнюю историю, и проходило оно с переменным успехом. Было время, когда общепринятой позицией считалась точка зрения, озвученная в 1971 г. тогдашним президентом США Р. Никсоном, согласно которой “мы все – кейнсианцы”. Раньше в таком же духе высказался еще один видный представитель школы монетаризма М. Фридман. И кто мог подумать, что буквально через несколько лет в экономической науке произойдет антикейнсианский (монетаристский) разворот? Более того, самые непримиримые его противники включили “Общую теорию” Кейнса в число 10 самых вредных книг XIX–XX вв. вместе с “Моей борьбой” Гитлера и “Капиталом” Маркса, на что не преминул сослаться П. Кругман [1, с. 138].

И вот, после достаточно длительного периода забвения идеи и рекомендации кейнсианской школы вновь стали объектом ожесточенной полемики в экономической науке, а сама она приобрела более широкое звучание за счет своей направленности на пересмотр основополагающих принципов господствовавшей до кризиса неолиберальной политики. Ее острота подкрепляется непримиримостью и антагонизмом исходных позиций. С одной стороны, П. Кругман, характеризуя современный вариант неоклассицизма как “обновленный роман с идеализированным рынком”, ярче всего выступающий в виде гипотезы “эффективных рынков”, делает вывод о том, что “кейнсианские воззрения остались единственными достойными внимания” и в конечном счете именно их реализм и содержательность позволяют и сегодня считать эту теорию “лучшей из имеющихся теорий о природе рецессий и депрессий” [4]. Поэтому переход к модели экономики, опирающейся на стимулирование эффективного спроса, с активным использованием для этого государства остается главным рецептом в борьбе с рецессией и застоём, обоснованию которого и посвящена его последняя книга.

С другой стороны, его оппонент Дж. Кокрейн, представляющий школу неолиберализма, напротив, клеймит кейнсианский подход в экономике, считая его полностью дискредитированным и неприемлемым. По его мнению, суть гипотезы “эффективных рынков” не в том, что они всегда успешно выполняют свои функции, а в обосновании непредсказуемости и неуправляемости рынков извне. Это означает, что государственное вмешательство в их работу приносит больший вред, чем даже их самокоррекция при помощи кризисов. Отсюда делается вывод: “...Свободные рынки – худшая из систем”, но государственный контроль рынков, и особенно рынков ценных бумаг, “всегда оказывается гораздо худшим вариантом” [5]. Поэтому сохранение модели экономики предложения, в которой центральная роль отводится частному бизнесу, стимулируемому снижением налогов и другими мерами, выдвигается в качестве наиболее эффективного способа выхода из нынешнего кризиса.

Таков накал идейно-теоретического противостояния. Он, конечно, осложняет объективный анализ предлагаемых теоретических оценок и практических рекомендаций. Тем не менее сама потребность в нем чрезвычайно высока. На наш

взгляд, кейнсианский подход выделяется большей предпочтительностью, особенно для стран с переходной экономикой, хотя и требует серьезных корректив с учетом сложившихся новых хозяйственных реалий, о которых далее пойдет речь. В его выборе принципиальное значение имеют два обстоятельства.

Во-первых, признание объективной неизбежности кризисов в капиталистической рыночной экономике, которое присутствует в теории Кейнса и его последователей. Приходится учитывать, что неоклассическая экономическая школа, делающая ставку на общее равновесие, по сути, лишает себя фундаментальных оснований исследования природы и причин экономических кризисов, которые как раз раскрывают действие неравновесных процессов в экономике. Характерно, что именно в соответствии с логикой неоклассицизма ее авторитетные представители уже не раз предрекали возможность блокирования наступления крупных кризисных обвалов. Произошедший масштабный мировой кризис в очередной раз опроверг такого рода утверждения. В результате продвинутые экономико-математические модели с нереалистичными предпосылками и абстракциями, оторванные от реальной хозяйственной жизни, оказываются неработающими в кризисных условиях.

Во-вторых, признание объективного характера регулярно происходящих экономических кризисов при капитализме позволило кейнсианской школе разработать в прошлом действенную макроэкономическую политику вывода экономики из кризиса, проверенную практикой восстановления экономики в период Великой депрессии 1930-х годов и последующим экономическим процветанием. Так же как само появление кейнсианства отражало практическую потребность в решении сложной задачи вывода экономики развитых капиталистических стран из глубокого системного кризиса, его нынешнее возрождение диктуется аналогичной потребностью хозяйственной практики. При этом практическая сторона вывода развитых капиталистических стран в фазу устойчивого роста сегодня преобладает в научных дискуссиях. В этой связи показательным стало замечание авторитетного макроэкономиста Н. Мэнкью: "...Как ни печально это признавать, но макроэкономические исследования последних трех десятилетий оказали лишь минимальное влияние на практический анализ монетарной и фискальной политики". Это означает, что "современные макроэкономические исследования недостаточно широко используются в реальном политическом планировании", а потому "в них мало практической пользы" [6, с. 101]. Собственно, и обсуждаемая книга П. Кругмана посвящена не столько глубокой теории, сколько фронтальной критике проводимой антикризисной политики и обоснованию ее альтернативной и более эффективной версии, ибо с нынешним кризисом, как он доказывает, "можно и нужно справиться очень быстро" [1, с. 280].

Следует отметить, что весомые аргументы для такой критики имеются как относительно экономической политики, реализуемой в США, так и применительно к антикризисным мерам в других странах. Такая критика подкрепляется, прежде всего, неоднозначными результатами экономического развития после кризиса в ведущих странах мира, а также в большинстве постсоциалистических государств, а это напрямую касается экономик России и Украины. То, что эпицентр мирового кризиса не случайно возник в центральной части мирового хозяйства, подтвердилось продолжением проблем выхода из него ведущих стран мира. Если в предшествующие периоды волны кризиса характеризовались понижающей амплитудой и чаще всего шли с периферии мирового хозяйства, а потому достаточно ус-

пешно гасились в его центральной части, обеспечивая тем самым их локализацию, то последний кризис начался в самом центре мирового хозяйства, сразу же приобретя такую масштабность, от которой в последние десятилетия отвыкли. Он стремительно распространился по всему глобальному экономическому пространству, приведя к реальному падению общемировых экономических показателей и наступлению рецессии во многих, хотя и не во всех, странах мира.

Мировое хозяйство и индустриально развитые страны, которые оказались в эпицентре кризиса, перешли в фазу восстановительного роста уже в конце 2009 г. Во всяком случае, статистика зафиксировала выход из кризиса по показателям ВВП и промышленности с III квартала в США и с IV квартала 2009 г. в большинстве развитых экономик (табл. 1). Однако последующие события свидетельствовали о том, что в действительности произошел всего лишь краткосрочный восстановительный отскок, ограниченный по масштабу и с противоречивыми проявлениями в разных сферах хозяйственной деятельности.

Таблица 1

Прирост (падение) реального ВВП в мире в целом и в отдельных странах в 2007–2013 гг. *

(%)

Страны	Годы						
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013 (9 мес.)
Мир в целом.....	4,9	2,9	-0,7	4,8	2,8	2,3	2,2
Развитые страны (всего).....	2,9	0,4	-3,7	2,7	1,7	1,3	1,2
ЕС-27.....	3,2	0,3	-4,3	2,1	1,5	-0,3	-0,2
Еврозона (17).....	3,0	0,4	-4,4	2,0	1,4	-0,6	-0,7
в том числе:							
Германия.....	3,3	1,1	-5,1	4,2	3,0	0,7	0,5
Франция.....	2,3	-0,1	-3,1	1,7	1,7	-0,2	0,3
Италия.....	1,7	-1,2	-5,5	1,7	0,4	-2,4	-2,0
Великобритания.....	3,6	-1,0	-4,0	1,8	0,9	0,0	1,5
США.....	1,9	-0,3	-3,5	2,4	1,8	2,2	1,6
Япония.....	2,2	-1,0	-5,5	4,7	-0,6	2,0	0,9
Переходные экономики и развивающиеся страны.....	8,8	5,9	2,8	7,3	6,0	5,0	5,1
КНР.....	14,2	9,6	9,2	10,3	9,2	7,8	7,6
Россия.....	8,1	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,4	1,4
Украина.....	7,9	2,3	-14,8	4,1	5,2	0,2	-1,3

* Данные Всемирного банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.siteresources.worldbank.org/> (дата обращения: 16.08.2013), Межгосударственного статистического комитета СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cisstat.com/> (дата обращения: 16.08.2013).

Восстановительный процесс в первую очередь затронул финансовую сферу. Основные фондовые индексы компенсировали потери от финансового кризиса 2008–2009 гг. Более того, финансовые рынки вновь демонстрируют возрожденный оптимизм, подогревающий спекулятивные настроения, а на биржевых площадках царит оживление. При этом, по контрасту с финансовой сферой, реальная экономика продолжает находиться в состоянии стагнации, а чрезмерная безработица остается в числе наиболее злободневных проблем. Так, в США она держится на уровне 7,5%*, в ЕС – 11,2%. В некоторых же странах она прибли-

* Если учитывать тех, кто перестал искать работу, и тех, кто работает неполный рабочий день, тогда реальный уровень безработицы в США достигает 14% (октябрь 2013 г.).

зились к экстремальным значениям: 27,4% в Греции и 26,9% в Испании (ноябрь 2013 г.), а это уже выше, чем было в годы Великой депрессии в США, когда она равнялась 25% (1933 г.). При этом огромные затраченные на борьбу с кризисом финансовые средства, не решив коренных проблем, уже превратились в непосильные долги для многих развитых стран.

Важной характеристикой посткризисного периода стало то, что выход из кризиса ведущих стран мира в 2010 г. продолжился не нарастанием экономического роста, а его угасанием. Более того, европейская экономическая группировка в 2012–2013 гг. вновь фактически оказалась в фазе рецессии – такой вывод следует из ее стандартных характеристик. При этом следует отметить, что многие эксперты в момент выхода из кризиса прогнозировали прогрессирующее улучшение посткризисной ситуации в развитых странах. Этот прогноз не подтвердился, и можно констатировать наступление "двойной рецессии" в европейской экономике. Ведь с конца 2011 г. в течение последующих 6 кварталов промышленное производство и инвестиции в ЕС непрерывно падали, несмотря на попытки их стимулировать путем рекордного понижения ставки рефинансирования Европейским центральным банком (ЕЦБ) (последнее понижение с 1% в декабре 2011 г. до 0,5% с мая 2013 г. и до 0,25% в ноябре 2013 г.).

То, что ЕС оказался в более тяжелом, чем США, положении, объясняется действием ряда факторов. Американская экономика раньше других вступила в кризис, что, возможно, раскрывает одну из причин ее более раннего выхода из него. Еще одним существенным моментом является то, что антикризисная политика США, при всех ее недостатках и межпартийной борьбе, тем не менее имеет более высокую результативность по сравнению с ЕС. В этом наглядно проявляется, помимо всего прочего, достоинство использования антикризисных методов на уровне государства, которое обеспечивается благодаря большей оперативности и гибкости в сфере принятия решений, а также обязательностью их выполнения.

Интеграционный блок демонстрирует неодинаковые возможности в фазе подъема и при наступлении кризиса. В первом случае интеграционный союз способен оказать дополнительное стимулирующее воздействие за счет большей емкости рынка, плотности хозяйственных связей, снятия барьеров в торговле, налаженного сотрудничества и т. п. Однако, когда экономика попадает в ситуацию кризиса, интеграционные связи, как оказалось, не столько помогают, сколько мешают странам преодолевать возникшие трудности. То, что экономическая интеграция не позволяет входящим в нее странам избежать кризиса, само по себе служит свидетельством ее недостаточной антикризисной защиты даже по сравнению с такой защитой на уровне национальных экономик. Еще хуже обстоит дело с последующим выходом из кризиса. Он больше затруднен из-за имманентно воспроизводимого конфликта интересов и эгоизма его участников, что осложняет согласование антикризисных мер, не говоря уже об их реализации. Поэтому деятельность наднациональных регуляторов характеризуется меньшей эффективностью, чем возможности национальных регуляторов [7]. Экономическая ситуация, которая возникла и продолжается в ЕС – наиболее амбициозной и продвинутой интеграционной группировке, созданной на экономической платформе, – наглядно это подтверждает. Аналогичными недостатками в еще большей степени отличается деятельность таких институтов глобализации, как МВФ и Всемирный банк, призванные, по замыслу их создателей, осуществлять регулятивную функцию на всем глобальном поле [8].

Другим тревожным признаком произошедшего мирового кризиса является значительно большее падение в секторе реальной экономики по сравнению с сокращением ВВП. В этом нетрудно убедиться, если сопоставить данные по ВВП с данными по промышленному производству (табл. 2). Спад промышленного производства в развитых странах в 2–3 раза превышал темпы уменьшения ВВП. Это означает, что динамика показателя ВВП в действительности скрывает истинные масштабы кризисного падения и трудности выхода из него. Характерным фактом является то, что во многих развитых капиталистических странах объем промышленного производства в 2013 г. все еще не достиг докризисного уровня.

Таблица 2

Прирост (падение) объемов промышленного производства в мире в целом и в отдельных странах в 2007–2012 гг. *

(%)

Страны	Годы					
	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Мир в целом.....	4,4	0,6	-8,5	9,1	4,3	2,4
Развитые страны (всего).....	2,4	-1,8	-12,9	8,1	2,5	0,5
ЕС-27.....	3,7	-1,7	-13,7	6,9	3,2	-3,3
в том числе:						
Германия.....	6,1	-0,1	-16,3	10,9	8,9	-0,8
Франция.....	1,3	-2,8	-12,5	5,2	1,6	-2,2
Великобритания.....	0,3	-3,1	-10,0	2,7	-0,6	-2,3
Италия.....	1,8	-3,5	-18,8	6,7	0,1	-6,5
США.....	-1,7	-2,0	-11,4	5,4	4,1	3,6
Япония.....	1,3	-2,0	-21,3	16,0	-2,5	-1,0
Переходные экономики и развивающиеся страны.....	9,7	6,0	0,9	10,9	7,3	5,5
КНР.....	13,4	9,3	9,9	11,0	13,0	9,5
Россия.....	7,4	3,5	-9,3	8,2	4,7	2,6
Украина.....	10,0	-5,2	-21,9	11,2	7,6	-1,8

* Данные Всемирного банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.siteresources.worldbank.org/> (дата обращения: 16.08.2013), Межгосударственного статистического комитета СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cisstat.com/> (дата обращения: 16.08.2013).

Недостаточные темпы восстановления промышленного производства и других отраслей реального сектора экономики объясняют сохранение высокого уровня безработицы и наличие барьеров в поддержании благосостояния. Это наглядный пример, когда экономика статистически растет, но в реальности стагнирует. Характерно, что созданная после кризиса Комиссия по оценке экономических результатов и социального прогресса во главе с Дж. Стиглицом в качестве одной из его причин определила то, что “существующая система измерения оказалась неадекватной и/или участники рынка и сотрудники государственных органов обращали внимание не на тот набор статистических показателей” [9, с. 14].

В этой связи следует отметить такое примечательное обстоятельство: если сопоставить начальную фазу падения промышленного производства в 2008–2009 гг. с аналогичной фазой в период Великой депрессии (1929–1933 гг.), то окажется, что глубина спадов в первые 9 месяцев практически полностью совпала. Это означает, что опасность перерастания кризиса 2008–2009 гг. в вариант Великой депрессии-2 была весьма высока. Данное обстоятельство подкрепляет утверждение П. Кругмана и ряда других экономистов о том, что современную экономику уже можно трактовать в контексте наступления Второй Великой депрессии, имея в виду высокую

вероятность продолжительного действия неустойчивого роста с возможностью новых кризисных потрясений. Не случайным также представляется выдвижение гипотезы неустойчивого экономического роста как "новой нормальности" [10].

Подводя итог краткому обзору современной макроэкономической ситуации, можно констатировать: критика П. Кругманом проводимой экономической политики вполне справедлива. Если оценивать ее по показателю успешности вывода экономики в фазу устойчивого и динамичного роста, то она не может считаться по-настоящему результативной. По оценке американского ученого, экономика США в 2012 г. работала на 7% ниже своих возможностей, то есть недопроизводила товаров и услуг на 1 трлн. дол. в год [1, с. 40].

Как же П. Кругман объясняет причины неэффективной экономической политики на примере американской экономики и что предлагает для исправления ситуации? Причиной он считает проведение провальной политики жесткой экономии, ставшей следствием воплощения в жизнь ошибочных экономических теорий монетаристско-неолиберального толка. Забытым оказался главный постулат Кейнса, гласящий, что "экономить следует во время бума, а не спада". Ведь в "депрессивной экономике всеобщее стремление к бережливости (и значит, уменьшению расходов) приводит к снижению доходов и ослаблению производства" [1, с. 86].

В.М. Гец и А.А. Гриценко в своей статье анализируют подход П. Кругмана относительно проводимой антикризисной политики, который дополняют содержательными характеристиками и оценками применительно к экономике Украины [3, с. 6–9]. Продолжая такой анализ и в принципе соглашаясь с предложенной общей трактовкой недостаточной эффективности антикризисной политики, считаем, что ею все же не следует ограничиваться. Прежде всего отметим, что пересмотра требует сам подход к задаче обеспечения устойчивости экономики и ее роста, все еще доминирующий в теории и практике. Если с 1970-х годов его реализация основывалась на контроле за приростом денежной массы, то с начала 1990-х годов главное внимание стало уделяться достижению ценовой стабильности, что предопределило выбор в качестве конечного целевого ориентира проводимой макроэкономической политики таргетирования потребительской инфляции с переходом к плавающим валютным курсам. В последующие годы такой вариант политики финансовой стабилизации активно рекомендовался для применения в странах с формирующимися рынками. К 2013 г. полномасштабное инфляционное таргетирование введено в 27 государствах, включая 9 экономически развитых и 18 развивающихся, а также стран с переходными хозяйственными системами.

При проведении такой политики целевое значение по потребительским ценам устанавливается в диапазоне от 1% до 3% их годового роста в развитых экономиках. В странах с формирующимися рынками ориентир по инфляции, как правило, выше в силу ее более высокого исходного уровня. В РФ в 2011 г. Центральным банком России принято решение о завершении к 2015 г. перехода в режим инфляционного таргетирования с одновременным проведением в полном объеме политики плавающего валютного курса. Соответственно, утверждены и целевые параметры по потребительским ценам в 5% в 2014 г., 4,5% в 2015 г. и 4% в 2016 г.

Следует обратить внимание на то, что для успешного применения политики инфляционного таргетирования должны соблюдаться такие важные предпосылки, как, в частности, преобладание монетарной составляющей в природе ин-

фляции, ограниченные возможности доминирования монополий на локальных рынках, приемлемый уровень надежности финансовой системы, незначительное влияние внешних факторов на инфляцию и валютный курс и т. п. Но это как раз такие предпосылки, которые заведомо в меньшей степени присутствуют в странах с переходной экономикой. При этом отметим, что в Конституции РФ основной функцией Центрального банка России определены защита и обеспечение устойчивости рубля. Насколько ее удастся выполнять при использовании в полном объеме политики плавающего валютного курса?

Проведение политики инфляционного таргетирования предполагает традиционный для идеологии монетаризма набор денежно-кредитных методов в обеспечении стабилизации экономики с особым акцентом на использовании краткосрочной процентной ставки рефинансирования. Правда, этим не исключается возможность применения промежуточных или дополнительных монетарных инструментов, контролирующих заданную величину выбранного денежного агрегата (к примеру, по M2 или M3). При достижении пороговых значений процентной ставки рефинансирования, близких к нулю, допускается использование нетрадиционных стабилизационных мер в виде, в частности, политики количественного смягчения. Такой стабилизационный ресурс был активно задействован в США, Японии и Великобритании. В режиме антикризисных мер также возможны временное повышение целевого ориентира по инфляции и использование мер по ослаблению обменного курса национальной валюты для дополнительного стимулирования экспорта. Важно то, что для обеспечения “чистоты” применения инфляционного таргетирования дополнительные меры не должны выходить за пределы финансовой сферы.

В результате реализации антикризисной политики в ведущих странах произошло понижение ставки рефинансирования до рекордных значений, близких к нулю (в США – 0–0,25% с декабря 2008 г.), но оно, тем не менее, не привело к выводу экономики в фазу устойчивого роста. И это при том, что в стандартной ситуации реальный эффект в экономике от снижения процентной ставки начинал сказываться в предшествующие периоды примерно через 9 месяцев. Ныне предельно низкие процентные ставки остаются уже свыше 4 лет, но полноценный выход из кризиса все еще не состоялся. Более того, проводимая антикризисная политика завела ведущие страны в ситуацию “ликвидной ловушки” с опасностью вхождения в фазу длительной стагнации, о реальности которой свидетельствует пример застойного развития Японии в первом десятилетии XXI в. “Японский случай” вполне может стать для стран развитого капитализма “новой нормальностью”.

Применительно к переходным системам хозяйства монетаристская политика макроэкономической стабилизации, нацеленная на подавление инфляции, продолжается уже более 20 лет и в противоположность развитым странам строится на удержании у них за пределами высоких значений процентной ставки. Хотя она и способствует определенному зажатию инфляции, но оказалась не в состоянии избавить экономику от влияния мирового кризиса и его тяжелых последствий, а в посткризисный период продолжает действовать угнетающе на возможность обеспечения в этих странах запуска устойчивого экономического роста, создавая реальную опасность стагнации и даже новой рецессии.

Попутно обратим внимание на такую деталь. При всей справедливости критики американской экономической политики следует назвать одно заметное от-

личие от ее проведения в ЕС, связанное с тем, что стандартная версия монетаристской стабилизации в США, так же как и в Великобритании, на практике реализуется в расширенной версии путем включения нормы безработицы в качестве дополняющего целевого ориентира. Увязывание денежно-кредитной политики ФРС с поддержанием занятости отражает законодательно закрепленную за ней цель по обеспечению сбалансированного экономического роста на основе стабильности цен и полной занятости. При этом в соответствии с законом о полной занятости и сбалансированном росте (1978 г.) ФРС обязана регулярно, при установлении ставки рефинансирования и осуществлении специальных денежных программ, например, количественного смягчения во всех трех ее раундах (QE1–QE3), учитывать достижение целевых параметров как по инфляции, так и по безработице. На данный период они утверждены в размере не более 2% роста по потребительской инфляции и 6,5% по безработице. Фактически это означает, что не только американское правительство, но и денежно-финансовая власть в лице ФРС также отвечает за обеспечение экономического роста в стране.

Если в докризисный период безработица в США снижалась до уровня 3,9% (октябрь 2000 г.), росла к началу кризиса в 2007 г. до 5,8%, при долгосрочной норме "естественной занятости" – 5%, то после кризиса 2008–2009 гг. значение данного целевого показателя для ФРС было повышено до 6,5%, до достижения которого не будет рассматриваться, в частности, вопрос о подъеме базовой процентной ставки ФРС. В свою очередь, Банк Англии в качестве дополняющего целевого ориентира установил норму безработицы в 7%.

То, что ФРС США и Банк Англии в своей деятельности ориентируются одновременно на сдерживание инфляции и поддержание роста, надо понимать как отступление от ортодоксально-монетаристской трактовки макроэкономической стабильности в роли ценовой стабильности. Такая расширительная трактовка экономической политики центрального банка содержит в себе большой стимулирующий потенциал, особенно в восстановительный период, что и нашло подтверждение в сравнительно более высокой эффективности антикризисных мер в американской экономике. Это тот случай, когда и России, и Украине такой подход целесообразно использовать, отказавшись от абсолютизации привязки стабилизационного курса к подавлению инфляции.

Что же касается ЕЦБ, то он политику стабилизации по-прежнему реализует (точнее – вынужден это делать) в варианте таргетирования потребительской инфляции (данная политика проводится с 1999 г.), ограничиваясь использованием процентной ставки в качестве главного инструмента в комбинации с контролем денежного агрегата М3. Судя по всему, такой выбор целевого ориентира предопределен огромным разбросом уровня безработицы среди членов ЕС – от 27–27,4% (Греция, Испания) до 4,7–5,3% (Австрия, Германия), что отражает качественную разнородность хозяйственных возможностей стран и неодинаковую степень их устойчивости. В такой разнородной среде не представляется возможным установление общего целевого ориентира по безработице на всем евроинтеграционном пространстве, потому целевой индикатор по инфляции становится единственно возможным в качестве базового ориентира. Ведь разрывы в дефляторе и потребительской инфляции в странах ЕС несравнимо меньшие, чем по безработице. В среднем по ЕС дефлятор колеблется вокруг уровня 1,5–1,6%, а рост потребительских цен не превышает 1,7–2% в год.

Заслуживает внимания и следующий симптоматичный факт. Мировой кризис и нынешняя посткризисная ситуация привели к тому, что в таких глобальных управляющих центрах, как МВФ и Всемирный банк, которые ранее были основными проводниками политики приоритетности финансовой стабилизации, происходят серьезные дискуссии, нацеленные на смену вех в стабилизационной политике. В 2010 г. был опубликован доклад главного экономиста МВФ О. Бланшара с соавторами с примечательным названием “Пересмотр макроэкономической политики” [11], где утверждалось, что “пришло время переоценить наши знания о том, какой должна быть макроэкономическая политика”. В частности, предлагалось раздвинуть целевые ориентиры для развитых экономик по инфляции с 2% до 4% в год, как это и обосновывал П. Кругман, с тем, чтобы повысить гибкость и результативность политики стимулирования роста. Более того, выдвигалась идея о существенной корректировке в выборе целевых ориентиров для центральных банков и правительств, связанной с желательностью дополнения политики сдерживания инфляции таргетированием номинального выпуска (ВВП).

Доклад О. Бланшара вызвал оживленную дискуссию, которая была продолжена на двух организованных МВФ крупных научных конференциях с участием видных экономистов: “Макрополитика и экономический рост в связи с кризисом” (март 2011 г.) и “Пересмотр макрополитики II: первые шаги и первые уроки” (апрель 2013 г.) [12]. Одним из ключевых стал вопрос о том, насколько финансовая устойчивость способна обеспечить макроэкономическую стабилизацию. Выдвинуто было новое базовое положение касательно того, что “стабильная инфляция и стабильный выпуск еще не являются достаточной гарантией поддержания макроэкономической стабильности” [13]. Также обосновывались предложения о целесообразности перехода к политике таргетирования номинальной траектории ВВП.

Предложенные рекомендации, тем не менее, не нашли своего убедительного воплощения в реальной корректировке проводимой политики стабилизации, подтвержденной восстановлением устойчивости и экономическим динамизмом. К тому же они носят компромиссный характер. Так, в октябрьском (2013 г.) докладе МВФ предлагает странам с развитой экономикой продолжить реформирование финансового сектора с проведением структурных изменений, сохранением курса на бюджетную консолидацию и одновременным стимулированием создания рабочих мест *. Возникает вопрос, насколько такие направления в экономической политике согласуются между собой и в таком сочетании способны сформировать работающую модель устойчивого роста? Мы также разделяем позицию Дж. Стиглица о необходимости “более фундаментального переосмысления дизайна нашей финансовой системы и существующих рамок при проведении макроэкономической политики” [14].

Возвращаясь к анализу предложений П. Кругмана по преодолению кризиса, обратим внимание на трактовку им стагнационного состояния американской экономики. Вслед за Кейнсом он утверждает, что причина депрессии есть “всего лишь результат недостаточного спроса” [1, с. 12], из чего следует главная рекомендация, согласно которой возникший его недостаток можно компенсировать ростом госрасходов, и тогда так называемые структурные проблемы (негибкость рынка труда, неподготовленная рабочая сила) будут разрешены [1, с. 72]. Более того, в

* World economic outlook. October 2013. Transitions and Tensions. – IMF, 2013.

своей ранней работе он даже постулировал, что "с рецессиями можно бороться простым способом — эмиссией денег, после чего эти болезни иногда (и даже обычно) могут излечиваться, и на удивление легко" [2, с. 40].

Собственно, вопрос о причине стагнационного синдрома в посткризисный период (или, по П. Кругману, возникшей депрессии) и путях его преодоления не столь однозначен, чтобы в его решении ограничиться общей постановкой задачи расширения совокупного спроса с опорой на рост госрасходов и восстановление потребительского спроса. Приходится учитывать особенности современного состояния экономики и появление новых ограничителей, которые снижают эффективность применения антикризисных мер, используемых по образцу проводимой в 1930-е годы политики. Особое значение приобретают разработка конкретного набора антикризисных мер и учет при этом возможных негативных последствий их использования. Кстати, заметим, что авторитет Кейнса и предлагаемые им методы антикризисной политики приобрели теоретическую значимость и практическое применение далеко не сразу, так же как и его теоретические оценки и практические рекомендации формировались постепенно, проходя определенную доработку по мере обобщения реального опыта борьбы с кризисом. Только после того, когда он смог предсказать неизбежность наступления второй волны спада 1937–1939 гг., которую объяснял преждевременным переходом к политике сворачивания госрасходов в целях восстановления сбалансированности бюджета, американское правительство восприняло его оценки и рекомендации.

Нынешняя критика П. Кругманом такого же несвоевременного, по его мнению, сокращения госрасходов, которые к тому же еще в своем первоначальном объеме были явно недостаточными, не смогла повлиять на изменение экономического курса в США. Не нашло поддержки и отрицание им опасности обострившейся долговой проблемы и высокой степени ее риска. Во многом это связано с тем, что американская экономика сегодня, в отличие от 1930-х годов, не сорвалась во вторую волну кризиса, а лишь сбавила темпы восстановительного роста. При этом происходящее оживление экономики, пусть и медленное, позволило ФРС с января 2014 г. скорректировать программу количественного смягчения, сократив объем выкупа гособлигаций и ипотечных бумаг с 85 млрд. до 75 млрд. дол. в месяц. Несмотря на это, а также при условии неизменности базовой процентной ставки, тем не менее, прогнозируется увеличение в 2014 г. роста ВВП до 3,2% при уменьшении уровня безработицы до 6,3–6,6%. Можно считать, что сжатие объема финансовых вливаний станет первым серьезным тестом американской экономики на ее устойчивость. Если его прохождение окажется не столь успешным и, более того, будет способствовать запуску отсроченной второй волны кризиса в США (а она возможна в силу неустраненности фундаментальных причин рецессии), тогда, скорее всего, наступит время для полномасштабного разворота к кейнсианской экономической стратегии, на возвращении которой настаивает П. Кругман.

В свою очередь, следует учитывать, что сворачивание госрасходов в целях стимулирования потребительского спроса имеет свое объяснение. Дело в том, что особый акцент в экономической политике на восстановлении платежеспособного спроса домашних хозяйств как необходимой предпосылке вывода экономики из кризиса в нынешних условиях значительно сложнее реализовать в развитых капиталистических странах. По сути, аналогичный прием "расшивки узости" пла-

тежеспособного спроса осуществлялся на начальном этапе проведения антикризисной политики в США. В рамках принятого Закона о восстановлении экономики и реинвестировании (American Recovery and Reinvestment Act of 2009) американское правительство выделило из предусмотренной общей суммы в 758 млрд. дол. на эти цели 158 млрд. дол., или 500 дол. на душу населения. Они были направлены на предоставление налоговых льгот и организацию разного рода единовременных выплат отдельным категориям населения, чтобы подстегнуть спрос. В частности, каждому из 57 млн. получателей социальных пособий в США дополнительно было выплачено по 250 дол.

Кроме того, приходится принимать во внимание существенные различия в последствиях новейшего использования данной меры. Во-первых, она носила разовый характер, что снижает ее эффективность. В этом отношении П. Кругман был прав, критикуя американское правительство за сокращение программы поддержки потребительского спроса. Во-вторых, если в 1930-е годы дополнительные доходы населения на практике могли способствовать восстановлению производства на территории США в силу самого его наличия, то сейчас большинство потребительских товаров импортируется из новых развивающихся индустриальных стран. Поэтому такая выплата в основном имеет стимулирующий эффект не для американских, а для зарубежных производителей. Можно утверждать, что произошедшая деиндустриализация американской экономики стала очевидным барьером на пути ее выхода из кризиса. В-третьих, восстановление и наращивание потребительского спроса наталкиваются и на другие препятствия, обусловленные ограниченностью потенциала внутреннего спроса нынешних стран-лидеров. Дело в том, что торможение их экономического роста объясняется “ловушкой богатства”, попадание в которую оборачивается ситуацией экономического тупика с появлением труднопреодолимого предела экономического роста.

Ведь создание модели экономического роста, в которой сбережения населения генерируются не доходом от участия в хозяйственной деятельности, а за счет владения “богатством” (в первую очередь недвижимым имуществом и финансовыми активами), предполагает, что благодаря кредитной экспансии на этой основе удастся разогнать потребительский спрос и, не ограничивая, поддерживать его в длительной перспективе. Именно такая политика активно внедрялась в США с начала 1990-х годов. Если раньше потребительские расходы американских семей обеспечивались заработной платой на 68–70%, то теперь — на 50%, зато резко возросла роль кредита. Так, в 1992 г. американцы заняли у банков 180 млрд. дол., а в 2006 г. — 1,2 трлн. дол., то есть в 7 раз больше. При этом средний доход 1 домохозяйства за этот период увеличился лишь в 1,7 раза. В результате общий долг населения вырос с 4 трлн. до 14 трлн. дол. В этих условиях блокирование рецессии и поддержание экономического динамизма строились на возможности компенсирующего роста накопленного богатства.

Так, согласно данным ФРС США, чистые активы американских семей (“накопленное богатство”), определяемые как стоимость жилья, имущества и денежные сбережения населения за вычетом долгов по ипотеке и кредиту, в своем рекордном значении (II квартал 2007 г.) достигли невероятного уровня в 64,36 трлн. дол., или свыше 200 тыс. дол. в среднем на душу населения. Они увеличились почти в 5 раз по сравнению с началом 1990-х годов, когда составляли 13 трлн. дол.

(в 1999 г. — 28 трлн. дол.). Понятно, что такой многократный прирост накопленного богатства, заметно превышающий динамику реальных сбережений домохозяйств, был обусловлен спекулятивной переоценкой финансовых активов, то есть, по сути, раздуванием огромного "спекулятивного навеса".

Подчеркнем, что реализация "эффекта богатства" представляет собой новую формулу в использовании так называемой капиталотворческой функции кредита в варианте деятельности новых финансовых институтов с привлечением инструментов, притягивающих сбережения с периферии мировой экономики в ядро глобальной сети. Сама по себе данная функция, осуществляемая без должного контроля, уже ведет к кредитной экспансии с неизбежным перекредитованием (то есть образованием "кредитного пузыря") и кризисным обвалом. История циклического развития капиталистических стран полна примеров таких кризисных провалов. Главная опасность в наступлении фазы избыточного кредитования связана с вхождением в зону критического разрыва объема выданных кредитов с возможностями его обслуживания и погашения значительной частью экономических агентов. Ее завершающим этапом, на котором "эффект богатства" превращается в "ловушку", становится последующее сжатие платежеспособного спроса с опасностью дефляционного шока и кризиса перепроизводства, которые получают продолжение в нарастании волны банкротств, в появлении массовой безработицы и т. д. Именно в такую "ловушку богатства", возникшую вследствие дефляции активов, попали США и ряд других стран развитого капитализма.

Разрушение спекулятивной надстройки привело к тому, что в 2009 г. американские домохозяйства в одночасье лишились накопленного богатства в размере 16 трлн. дол., что стало следствием обвала более чем на четверть цен на рынках акций и недвижимости. Соответственно это не могло не повлиять на изменение модели потребительского поведения населения, вернув сдерживающую роль накопления сбережений в переходе к более экономному потреблению. Такой возврат к "норме" закономерно привел к сокращению совокупного спроса с последующим вначале торможением, а затем и абсолютным падением производства.

Отметим, что сама по себе проблема недопотребления как возможная причина перепроизводства уже была выявлена Сисмонди в 1819 г., еще до первого общего кризиса перепроизводства в Великобритании в 1825 г. Теоретическое обоснование кризиса, предложенное швейцарским экономистом, отвергло формирующиеся в классической школе политэкономии представления об автоматизме равновесия в рождающейся капиталистической экономике. Причины недопотребления он объяснял тем, что технический прогресс, вытесняя рабочих из производства, заставляет их трудиться за меньшую заработную плату. Сокращению заработной платы также способствует рост рабочего населения, приводящий к появлению безработицы. В результате потребительский спрос затухает, хотя предприниматели продолжают расширять производство, что оборачивается неизбежным кризисом перепроизводства.

Кейнс проблему недостаточности потребительского спроса дополнил и расширил. Он акцентировал внимание на таком явлении, как возникновение "чрезмерных сбережений", которые выступают следствием неравномерности распределения дохода среди разных групп населения, что приводит к формированию избыточных сбережений у небольшой самой состоятельной группы населения, которая не склонна тратить значительные средства на потребительские товары.

Острота современного взрыва сверхбогатства объясняется еще и его полным разрывом с ростом реальной экономики, поскольку оно основывается на масштабных финансовых спекуляциях. Этим дополнительно усиливается неравновесие между производством и не соответствующим ему потребительским спросом.

Сказанное означает, что обострение проблемы недопотребления как в случае замораживания доходов основной части населения, так и в случае растущего финансового обогащения социального меньшинства одинаково угнетающе действует на возможность вывода экономики из рецессии. При этом нарастающий антагонизм между углубляющимся “недопотреблением” и одновременно растущим “избыточным потреблением”, который наблюдается в кризисный и посткризисный периоды нынешнего цикла, раскрывая социально-классовую подоплеку мирового кризиса, повышает значимость его системной характеристики. Поэтому окончательное преодоление кризиса предполагает коренные изменения в фундаментальных (системных) принципах сложившейся кредитно-долговой модели финансового капитализма.

Наиболее яркими и наглядными примерами остроты произошедшего кризисного обвала стали оглушительный крах экономик Исландии и Кипра, построенных на возможности успеха страны за счет финансового посредничества, и удручающее социально-экономическое положение Греции, возникшее из-за несогласования уровня потребления и уровня собственного производства. И в первом, и во втором случае кредитно-долговая экономика, построенная на перераспределительной политике, при которой уровень потребления домашних хозяйств не основывается на реальной экономике и ее возможностях, подвержена высокому риску разрушения с тяжелыми экономическими и социальными последствиями. Здесь уместно сослаться на позицию австрийской экономической школы, обосновывавшей, что “потребление, которому не предшествует производство, равнозначно незаработанному потреблению: оно черпает из совокупного ресурсного фонда, ничего не внося в него” [15, с. 6–7].

П. Кругман вполне оправданно обращается к еще одной принципиальной оценке Кейнсом системного порока капиталистического хозяйства, обусловленного произвольным и несправедливым распределением богатства и доходов, имея в виду его проявление в период утверждения неолиберальной модели глобального капитализма. Если в период доминирования модели социально регулируемого капитализма (кейнсианской стратегии) среднегодовой доход американской семьи за период 1947–1979 гг. вырос с 30 тыс. до более чем 60 тыс. дол., то есть более чем в 2 раза, то в 1980–2003 гг. (господство неолиберализма) – до 80 тыс. дол., или менее чем на треть. Закономерно, что доля чистого дохода 1% самых богатых людей во втором периоде выросла с 7,7% до 17,1% от общего дохода [1, с. 115–116]. При этом экономический рост в эру дерегулирования (с 1980 г.) был меньше, чем во времена жесткой регламентации (после войны).

Такими же различиями в темпах роста характеризовалась и мировая экономика. С 1951 по 1980 г. (Бреттон-Вудская эпоха) среднегодовой рост реального мирового ВВП составлял 4,8%, в 1980–2009 гг. (эпоха Вашингтонского консенсуса) – 3,2% [16, с. 150].

Усиление социальной дифференциации и неравенства превратилось в самую острую общую проблему современного этапа глобального капитализма, которая оказывает свое сдерживающее влияние на мировой экономический рост. Если

соотношение доходов 5 богатейших и 5 беднейших стран в 1960 г. составляло 30:1, то в 1990 г. — 60:1, а к 2000 г. увеличилось до 74:1. Или еще одно сопоставление: в 1960 г. доходы 20% самого богатого населения мира превышали доходы 20% самого бедного в 30 раз, а на начало XXI в. — уже в 82 раза. К сожалению, не меньшей остротой отличается проблема социального расслоения и неравенства в постсоветских государствах.

Симптоматична и оценка последствий роста социального расслоения в мире, озвученная руководством МВФ. Так, осенью 2013 г. его директор-распорядитель К. Лагард, обращая внимание на усиление материального неравенства в мире, в том числе и в США, вполне в духе Кейнса сформулировала вывод о том, что "усиление неравенства ведет к менее устойчивому экономическому росту, не говоря уже о том, что это может вызывать социальную напряженность". Поэтому, подчеркнула она, снижение уровня неравенства и "адекватное распределение" общественных благ с помощью различных государственных систем и правительственных программ имеют "важное значение".

Заметим, что решение проблемы снижения неравенства в мире приобретает глобальный контекст в развитии кейнсианских идей. Ведь формирование новой модели устойчивого экономического роста мирового хозяйства может быть обеспечено благодаря опережающему повышению потребительского спроса, а значит, и уровня жизни в развивающихся странах, то есть в странах масштабного недопотребления. Если учесть, что более 20% населения развивающихся стран живет менее чем на 1,25 дол., а почти 75% — менее чем на 4 дол. в день, то такой ресурс потребительского спроса в мировой экономике имеется. По сути, это означает перенесение антикризисных кейнсианских рецептов по стимулированию потребительского спроса из национальных экономик на глобальный уровень. Рост мирового совокупного спроса за счет развивающихся стран вполне может стать эффективной антикризисной мерой. Вопрос только в том, насколько богатые страны и транснациональный капитал в состоянии поделиться с другими богатством и прибылями.

Хотя расширение потребительского спроса для стимулирования роста теоретически может быть задействовано, но практическим ресурсом все же остается упор на другие элементы совокупного спроса. В своем составе он представлен не только потребительским, но и инвестиционным спросом, государственными расходами, включая перевооружение армии, а также внешним спросом. Понятно, что антикризисная политика чаще всего строится путем комбинации перечисленных компонентов возможного расширения спроса. Но это не исключает выделения в его составе определенных приоритетов. На данном этапе достигнутые избыточность потребления материальных благ и сжатие внешнего спроса в странах развитого капитализма объективно предопределяют выбор инвестиционного спроса в разных его возможных версиях. Проблема в том, каким образом и за счет каких ресурсов его задействовать.

То, что в нестабильной посткризисной ситуации происходит неизбежное сокращение инвестиционной активности частного бизнеса, — эмпирически подтвержденный факт, который в теории Кейнса объясняет необходимость непосредственного участия государства в финансировании инвестиционного процесса. П. Кругман в подтверждение этого вывода приводит соответствующие данные, касающиеся современной ситуации. К примеру, разность между сбережениями и

инвестициями в частном секторе США увеличилась с 200 млрд. дол. в 2011 г. до 1 трлн. дол. в 2012 г. [1, с. 192]. Или другой, еще более характерный пример, когда из 3,9 трлн. дол., затраченных ФРС на выкуп гособлигаций и ипотечных бумаг по трем программам количественного смягчения, которые, по идее, должны были использоваться для кредитования экономики, больше половины остались на ее же резервных счетах, и это при том, что банки получают по ним мизерный доход по ставке 0,25%, что заведомо ниже уровня инфляции. Как следствие, банки по-прежнему негативно оценивают инвестиционную привлекательность сектора реальной экономики по сравнению с сохраняющейся завышенной доходностью финансовой сферы. Не исключено, что они просто отвыкли инвестировать в производственную деятельность, утратили навыки и квалификацию в оценке инвестиционных проектов.

О том, куда в действительности пошли почти 4 трлн. дол., выделенных на стимулирование американской экономики в 2011–2013 гг., красноречиво свидетельствует динамика фондовых индексов. Так, индекс широкого рынка S&P 500, имевший исторический максимум в 1565,11 процентного пункта (октябрь 2007 г.), после падения до уровня 683 процентных пунктов (март 2009 г.) вырос до рекордного значения в 1840 процентных пунктов в декабре 2013 г. Вот где произошел стремительный взлет.

В этих условиях выход производственной сферы из кризиса предопределен расширением инвестиционной деятельности государства, поскольку удержание ставки процента на предельно низком уровне в очередной раз подтверждает, что он не гарантирует возобновления требуемой активности частного капитала в сфере производства. Поэтому государство вынуждено “брать на себя все большую ответственность за прямую организацию инвестиций”, которую Кейнс называл “социализацией инвестиций” [17, с. 229, 453].

Формально именно так поступило большинство государств в начальной фазе борьбы с глобальным кризисом, о чем свидетельствует повышение доли госрасходов в ВВП. Например, в еврозоне она выросла с 46% в 2007 г. до 51,2% в 2009 г., в США – соответственно, с 36,7% до 44,2%. Такое же увеличение произошло в России (с 33,1% до 41,4%) и Украине (с 43,8% до 48,6%). Однако уже с 2010 г. многие государства изменили направленность стабилизационной политики, взяв курс на консолидацию бюджета, то есть на сокращение госрасходов.

П. Кругман такой разворот в стабилизационной политике на примере США подвергает жесткой критике, считая, что программу стимулирования экономики необходимо было продолжить в еще большем объеме, не опасаясь роста долга и чрезмерной инфляции [1, с. 184–186]. Строго придерживаясь кейнсианских рецептов, такая критика является справедливой. Тем не менее, приходится учитывать особые обстоятельства, характеризующие современную посткризисную ситуацию.

Начнем с того, что в еврозоне, в отличие от США, в 2012 г. госрасходы вновь увеличили, но это не защитило ее от второй волны спада, хотя, возможно, и ограничило ее размах. Заметим, что и в Украине они выросли (до 49,3% ВВП), но это также не помогло заблокировать падение производства.

Второе обстоятельство, которое следует учесть, – чрезмерно высокая долговая нагрузка в странах развитого капитализма, которая уже нарастала в фазе подъема, когда, по Кейнсу, ее следовало сокращать, а не увеличивать. В результате в

США госдолг в 2007 г. достиг 9 трлн. дол., на 58% превысив показатель 2000 г. С началом кризиса последующее увеличение задолженности стало еще более стремительным: в 2013 г. по сравнению с 2007 г. она возросла на 86%, достигнув номинального значения в 16,7 трлн. дол. (сентябрь 2013 г.). При этом рост ВВП существенно отставал от роста госдолга. Если за весь период 2000–2012 гг. объем долга увеличился на 182,5%, то номинальный объем ВВП — всего на 58%. Еще в большей степени рост госдолга опережал темпы потребительской инфляции, которая за те же годы выросла на 31,6%. Опасность долговой проблемы усугубляется сопутствующим ростом масштабов долга со стороны бизнеса (только корпоративного сектора — в 7 трлн. дол.) и домашних хозяйств в 14 трлн. дол.

Резкий отрыв роста госдолга в США от экономической динамики и темпов инфляции, возникший уже в фазе подъема и еще в большей степени усилившийся в кризисный и посткризисный периоды, нарушает предельные границы долговой опасности, о важности соблюдения которых говорит и сам критик американской политики П. Кругман. Собственно, возникшая долговая проблема в США не только отражает усиление долговой нагрузки, хотя одни выплаты по процентам (даже при сохранении процентной ставки в 2,5%) требуют затрат в 425 млрд. дол. (2013 г.), а это свыше 11% от всех расходов федерального бюджета, но и отрицательно влияет на рыночную мотивацию всех экономических агентов. Неизбежным следствием долговременной политики избыточного использования заемных средств стало то, что хозяйствующие агенты вынуждены думать не о новых своих потребительских запросах или прибыльности бизнеса, а об ослаблении долговой зависимости, что угнетает как потребительский спрос, так и инвестиционную активность.

Таким образом, можно сделать вывод, что проведение антикризисной политики в настоящее время привело к появлению сложной дилеммы: или продолжить активное государственное стимулирование экономики с ориентацией на ее возрожденный динамизм, но с одновременным повышением финансовых рисков и опасности инфляционного обвала, или сделать ставку на бюджетную консолидацию в расчете на снижение рисков в валютно-финансовой сфере и постепенное оздоровление экономики в долгосрочной перспективе.

Разрешение данной дилеммы — задача непростая. Для любой экономики посткризисного периода — это проблема приоритетности в выборе целей и источников развития, социальных ориентаций, сочетания кратко- и долгосрочных задач. В частности, встает вопрос: что важнее — достаточно быстрый выход из кризиса с меньшими социальными издержками или финансовое оздоровление экономики как предпосылка последующего динамичного экономического роста?

Причем для США выбор еще больше осложняется тем, что они пытаются одновременно решать две конфликтующие между собой задачи: вывод экономики из кризиса и при этом сохранение доминирующей роли доллара в качестве мировой резервной валюты. Дело в том, что реализация государством активной антикризисной политики закономерно ведет к росту госдолга с одновременным увеличением риска для курса национальной валюты и инфляционного подъема. С одной стороны, этим запускается проверенный способ ослабления долговой зависимости за счет обесценения долга, который, по П. Кругману, и должен использоваться, но, с другой, ухудшаются позиции доллара как мировой резервной валюты. Иными слова-

ми, предложенная дилемма представляет собой внутреннее противоречие доллара как национальной денежной единицы и одновременно международной резервной валюты. Судя по акцентам, которые на данном этапе расставлены в американской политике, в качестве приоритета выбран курс на удержание господствующей роли доллара в глобальной валютно-финансовой сфере как главного конкурентного ресурса в обостряющейся борьбе за лидерство.

Что касается ЕС, то в этой экономической группировке мотив в обеспечении политики бюджетной консолидации обусловлен желанием привести в соответствие уровень социального развития и благосостояния стран Юга к существующему уровню развития их национальных экономик, что предполагает строгое соблюдение финансовой дисциплины и, как следствие, существенную корректировку социально-солидарной природы евроинтеграции. То, что в течение длительного периода в ЕС проводилась целенаправленная политика сокращения отстаивания наименее благополучных стран и регионов, использовалось для создания так называемого демонстрационного эффекта с формированием привлекательного имиджа для пополнения своего состава. Однако застойность кризиса привела к тому, что сегодня приходится жертвовать социальной поддержкой экономически менее благополучных стран – членов ЕС для того, чтобы мобилизовать ресурсы для последующего антикризисного стимулирования лидирующих стран, и прежде всего Германии.

Таким образом, критика П. Кругманом переключения экономической политики развитых капиталистических стран на проведение бюджетной консолидации и ограничение роста госдолга вызывает неоднозначную реакцию. Проблема, по-видимому, в том, что американский экономист недооценивает системную составляющую произошедшего мирового кризиса, трактуя его как очередной циклический спад. То, что это кризис циклический, определяет необходимость принятия активных мер, и прежде всего со стороны государства, по расширению совокупного спроса. Но то, что этот кризис системный, характеризующий кризис общественного воспроизводства и раскрывающий исчерпанность сложившейся кредитно-долговой модели финансового капитализма, предполагает осуществление принципиальных изменений в неолиберальном курсе и в первую очередь во взаимодействии реального и финансового секторов экономики.

Ключевым становится вопрос: насколько возможно проведение автономной политики стимулирования совокупного спроса при наличии не устраненных системных сбоев в глобально устроенном хозяйстве?

Поиск ответа на него еще раз побуждает обратиться к проблеме госдолга в мировом хозяйстве. В 2012 г. его общая величина составила 56,3 трлн. дол., или 78,7% мирового ВВП. При этом госдолг трех ведущих мировых центров (США, ЕС, Японии) достиг 112% их совокупного ВВП. Если исходить из стандартной оценки риска долговой нагрузки в 60% ВВП, то избыточная часть госдолга в мировом хозяйстве определяется в 13,3 трлн. дол. При этом ее величина для США равняется 6,5 трлн. дол., Японии – 6,3 трлн., ЕС – 4,5 трлн. дол., что в сумме составляет 17,3 трлн. дол. Это говорит о том, что значительный объем избытка госдолга трех ведущих мировых центров покрывался за счет перекачки финансовых ресурсов из развивающегося мира с использованием для этого привлекательности резервных валют и внедрением производных финансовых инструментов на глобальных рынках.

О том, что опасность чрезмерного долга чревата серьезными потрясениями, свидетельствуют проведенные эмпирические расчеты. Так, в период с 1970 по 2008 г. произошло 36 суверенных дефолтов, среднее значение суммы внешнего долга к ВВП составило 69,3%, а к экспорту — 229,9% [18, с. 29]. Конечно, указанные дефолты произошли в развивающихся странах с меньшей экономической устойчивостью и неразвитой финансовой инфраструктурой, что определяло наличие у них значительных объемов внешних заимствований. Но уже на данном этапе почти двукратное превышение допустимой нормы госдолга в развитых капиталистических странах при сохраняющихся бюджетных дефицитах не может не вызывать серьезную озабоченность, если принимать во внимание как возможность их сбалансированного развития, так и перспективы устойчивости самого глобально организованного хозяйства. К тому же и превышение долга над экспортом в этих странах характеризуется еще большей величиной, что дополнительно свидетельствует о наличии высоких долговых рисков, с учетом роли внешних зависимостей и чрезмерных диспропорций. К примеру, в США госдолг превышает экспорт ими товаров и услуг более чем в 8 раз.

Казалось бы, ослабление "долгового навеса" объективно неизбежно для самой развитой части капиталистического мира. Но в этом случае возникает другая, не менее сложная проблема, обусловленная угнетающим влиянием сокращения бюджетных расходов на экономический рост в нестабильной экономике. На примере Греции МВФ, проведя соответствующие расчеты, подтвердил, что их сокращение на 1 евро приводит к потере роста ВВП на 1,5 евро. Согласно подсчетам Еврокомиссии, политика жесткой экономии в 2011–2013 гг. уменьшила промышленное производство в Греции почти на 15% от уровня 2010 г.; для Испании эта цифра составляет 9,2%, Италии — 7,7%, Ирландии — 5,7%, Франции — 1,6% *.

Более того, политика жесткой экономии оказывается далеко не столь успешным средством снижения самой долговой нагрузки, поскольку создает при этом дополнительный дефляционный риск. Так, в Греции в 2013 г. потребительские цены из-за сжатия спроса, обусловленного падением доходов домохозяйств за последние 3 года на 30%, упали почти на 1% в годовом исчислении, а госдолг, в 2009 г. равнявшийся 299,7 млрд. евро (129,7% ВВП), в 2012 г. увеличился до 304 млрд. евро (156,9% ВВП).

Следовательно, политику строгой экономии в посткризисный период нельзя считать по-настоящему эффективной и перспективной. Особенно в том случае, когда ее навязывают в качестве необходимого условия для продолжения неолиберального экономического курса, реализующего рекомендации, почерпнутые из арсеналов монетаризма и теории экономики предложения. Ведь режим экономии госрасходов может быть оправдан, если он сопровождается замещающим ростом частных инвестиций. Однако в нестабильной хозяйственной ситуации на это трудно рассчитывать.

В действительности проблема оценки роли госрасходов в современной политике заключается не в реализации курса на их сокращение, а в том, по каким направлениям и в каких формах использовать эти ресурсы в конкретных странах. Для этого важно учитывать реальную величину мультипликатора госрасходов при-

* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/euroindicators/peeis>.

нительно к основным их видам, таким как повышение заработной платы работников бюджетной сферы, выплата социальных пособий, государственные закупки и финансирование производственных инвестиций. Соответствующие расчеты и сопоставления позволят обеспечить выбор наиболее эффективных в плане стимулирования экономики форм госрасходов.

Вместе с тем возвращение кейнсианства будет результативным в том случае, если будут реализованы системные преобразования в хозяйственном устройстве, устраняющие фундаментальные причины кризиса. Необходимо принять во внимание, что истинная проблема нынешних трудностей выхода из кризиса – не избыток госрасходов и бюджетные дефициты, а перенакопление фиктивного капитала в финансовой сфере. В конечном счете именно произошедшее в огромных масштабах его перенакопление, оторванное от реальных активов, превратило кризис в системный. Такова политэкономическая картина последнего мирового экономического кризиса. Поэтому устранение его глубинных причин предполагает проведение “деспекулятизации экономики”, представляющей собой расчистку экономики от спекулятивных завалов с переориентацией на восстановление приоритетности функционирования реального сектора.

Подводя итог проведенному анализу, подчеркнем, что стимулирующий потенциал кейнсианства в переформатировании антикризисной политики остается все еще нереализованным. Это представляется малооправданным, поскольку поиск последовательного выхода из нынешнего глобального системного кризиса находится вне проблемного поля современного “мейнстрима”, практические и познавательные возможности которого ограничены политикой преодоления стандартного циклического кризиса. Поэтому возвращение в хозяйственную практику кейнсианства в новой версии вполне созрело, особенно применительно к переходным экономикам. Но для этого должны быть обеспечены необходимые предпосылки.

Пока хозяйственная система сохраняет основные характеристики кредитно-долговой модели финансового капитализма и эффективно не работают каналы перевода сбережений в инвестиции в производственную сферу, увеличение госрасходов в целях стимулирования совокупного спроса не принесет большой пользы. Само же такое увеличение следует охарактеризовать как “квазикейнсианское”. Для того чтобы госрасходы по-настоящему стимулировали экономический рост, необходимо глубокое реформирование сложившегося хозяйственного устройства, которое по многим направлениям совпадает как для развитых стран, так и для государств с развивающимися рынками. Обращая большее внимание на переходные экономики, выделим некоторые наиболее важные изменения, раскрывающие перспективы кейнсианского разворота в современной экономической политике.

Во-первых, расширение инвестиционного спроса в посткризисный период не может не опираться на активизацию промышленной политики государства в качестве запускающего мотора для преодоления инерции угасания восстановительного роста. Активная промышленная политика государства выступает в качестве альтернативы неолиберальному курсу, ориентированному на дерегулирование, рыночные инструменты и продолжение приватизации. В экономиках России и Украины ее реализация предполагает сочетание импортозамещения с селективной поддержкой и стимулированием инвестиционной деятельности, нацеленной

на повышение эффективности производства и выпуск продукции, конкурентоспособной на внутреннем рынке, а в перспективе и на мировых.

Специально подчеркнем, что вариант активной промышленной политики в интересах повышения конкурентоспособности при выпуске продукции существенно отличается от традиционного понимания импортозамещения, главным инструментом которой становится выстраивание масштабной протекционистской защиты внутреннего рынка и своих производителей. Такой подход, ограждая от конкуренции слабые предприятия, может обернуться консервацией устаревшего и неконкурентоспособного производства. В таком виде он тем более малопригоден для стран — членов ВТО.

Во-вторых, в переходных экономиках выбор вариантов стимулирования совокупного спроса значительно шире, чем в развитых капиталистических странах, хотя бы с учетом отсутствия "ликвидной ловушки" и сохраняющегося стимулирующего потенциал потребительского спроса. Данное обстоятельство определяет заметно лучшие перспективы перехода к кейнсианской политике антикризисного регулирования в хозяйственной практике таких государств. Тем не менее и в переходных экономиках на данном этапе переключение интереса государства на финансирование инвестиционных проектов представляется вполне оправданным. Оно обусловлено не только большим значением мультипликатора такого вида госрасходов для экономического роста, но и остротой проблемы обновления изрядно устаревшего капитала в сфере производства и инфраструктурного обеспечения (в энергетике, на транспорте и в связи, жилищно-коммунальном хозяйстве). Важно, чтобы такое обновление инфраструктурно-производственного аппарата происходило на максимально новой технологической основе, что создаст наиболее мощный импульс для восстановительного роста, а затем поддержит его за счет сокращения издержек и увеличивающегося инновационного спроса.

В этой связи особое внимание заслуживает положение о том, что только улучшением и корректировкой макрополитики ключевые проблемы экономического роста не решить. Преодоление неустойчивости роста предполагает глубокое экономическое реформирование в сочетании с технологическим прорывом в сфере производства, поддержанным экологическими приоритетами. На современном этапе разработка и внедрение в производство новых перспективных технологий становятся главной областью борьбы за лидерство и улучшенные позиции национальных экономик в международном разделении труда. Наступающая технологическая революция создает принципиально новые возможности для проведения государствами активной промышленной политики, для смены экономических приоритетов и принципов управления. Мировое сообщество уже подошло к ситуации, когда нужно не просто возобновить экономический рост любой ценой, но и обеспечить его базирование на новой эколого-технологической парадигме и социальных приоритетах. В таких перспективных и еще неосвоенных направлениях формируются важнейшие предпосылки для активной деятельности государства и бизнеса.

В-третьих, изменение экономики в целях создания модели устойчивого и социоэкологосбалансированного роста не произойдет, если не будет пересмотрена сама неолиберальная концепция дерегулирования и первенства финансовой сферы с восстановлением ведущей роли реального сектора экономики. Отказ от политики универсализации финансовой деятельности с ее чрезмерной бескон-

рольностью и открытостью обуславливает необходимость радикальных изменений в финансовой сфере в разных направлениях. Так, заслуживает внимания предложение о целесообразности создания государственно-публичного финансово-кредитного института, который бы обеспечивал льготную финансовую поддержку инновационно-инвестиционных проектов [3, с. 13–14]. Фактически речь идет о возможности создания двухканальной системы перевода сбережений в инвестиции, один из которых будет функционировать в обычном рыночном режиме, реализуя кредитный потенциал коммерческих банков и других финансовых институтов, а второй – работать в ограниченном рыночном режиме, обеспечивая льготное финансирование приоритетных народнохозяйственных проектов развития. Такое разграничение финансовой деятельности полезно с точки зрения сужения сферы спекулятивной деятельности. Международный опыт работы таких институтов развития имеется, и он положительный.

В целях ограничения спекулятивной деятельности не менее эффективным может стать принятие закона, разграничивающего функции коммерческих (депозитных) и инвестиционных банков, что предполагает запрещение первым работать с ценными бумагами и их производными. Такой закон представляет собой аналог известного закона Гласса – Стиголла, принятого в США в годы Великой депрессии в 1933 г. Действуя до 1999 г., он стал одним из существенных факторов поддержания экономического лидерства этой страны. Проект такого обновленного закона уже дважды выносился на рассмотрение Конгресса США и дважды был отклонен. Важность такого закона для сдерживания спекуляций в финансовой сфере предопределяет его принятие и в переходных экономиках. Он полезен как для придания устойчивости финансовой системе, так и для ее переориентации на обеспечение производственной деятельности.

Еще одной давно назревшей мерой является введение налога на финансовые трансакции, и прежде всего – на валютные спекуляции. Если среднесуточный объем валютных сделок в мире в 1998 г. составлял 1,5 трлн. дол., то в предкризисном 2007 г. он увеличился до 3,3 трлн. дол., а затем в посткризисный период – до 4 трлн. дол. Для сравнения: ежедневный денежный оборот, связанный с обслуживанием операций с товарами и услугами, составил в 2010 г., по оценкам, около 50 млрд. дол., то есть чуть больше 1% от всего оборота валютных сделок *. Отметим, что такой налог вводится в ЕС с 2014 года, хотя его пока поддержало всего 11 государств. С операций с акциями и облигациями будет взиматься 0,1%, с деривативами – 0,01%. В результате предполагается выручать 30–35 млрд. евро в год. В этом случае важно даже не пополнение доходной части бюджета, а использование инструмента по сдерживанию спекулятивной деятельности в финансовой сфере. Введение такого налога принесет пользу и странам с формирующимися рынками.

Таким образом, логика и направления становления нового курса антикризисного регулирования, базирующегося на теории и исторической практике кейнсианства, концептуально выверены и осуществимы на практике. Согласно П. Кругману, ему препятствуют два фактора – “отсутствие интеллектуальной ясности и политической воли”. Дополняя его, отметим не меньшую роль политического лидера, способного на радикальные перемены. Образно говоря, современная эконо-

* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bloomberg.com/news/print/2010-10-27/global-currency-trading-will-grow-to-10-trillion-a-day-by-2020-ubs-says.htm>.

мическая политика нуждается в новом "новом курсе", который олицетворял бы "новый Рузвельт".

Список использованной литературы

1. *Кругман П.* Выход из кризиса есть! – М. : Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2013. – 320 с.
2. *Кругман П.* Возвращение Великой депрессии? – М. : Эксмо, 2009. – 336 с.
3. *Гец В.М., Гриценко А.А.* Выход из кризиса (Размышления над актуальным в связи с прочитанным) // Экономика Украины. – 2013. – № 6. – С. 4–19.
4. *Krugman P.* How Did Economists Get It So Wrong? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/>.
5. *Cochrane J.H.* How did Paul Krugman get it so Wrong? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://modeledbehavior.com/2009/09/11/john-cochrane-responds-to-paul-krugman-full-text/>.
6. *Мэнкью Н.Г.* Макроэкономист как ученый и инженер // Вопросы экономики. – 2009. – № 5. – С. 86–103.
7. *Рязанов В.Т.* Наднациональные и национальные регуляторы в условиях глобальной экономической нестабильности // Вестник СПбГУ. – Сер. : Экономика. – 2012. – Вып. 2. – С. 13–32.
8. *Рязанов В.Т.* Деглобализация, или регулирование вместо дерегулирования // Экономист. – 2010. – № 10. – С. 3–19.
9. Доклад Комиссии по оценке экономических и социальных результатов и социального прогресса // Вопросы статистики. – 2010. – № 11. – С. 12–21.
10. *Рязанов В.Т.* Неустойчивый экономический рост как "новая нормальность"? // Вестник СПбГУ. – Сер. : Экономика. – 2013. – Вып. 4. – С. 3–34.
11. *Blanchard O., Dell'Ariccia G., Mauro P.* Rethinking Macroeconomic Policy // Journal of Money, Credit, and Banking. – 2010. – Vol. 42 (Supplement). – P. 199–215.
12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.imf.org/external/russian/pr/blog/2013/042913r.pdf (дата обращения: 16.08.2013).
13. *Blanchard O., Dell'Ariccia G., Mauro P.* Rethinking Macro Policy II: Getting Granular. – IMF, 2013. – 26 p.
14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://blog-imfdirect.imf.org/2013/05/03/the-lessons-of-the-north-atlantic-crisis-for-economic-theory-and-policy/> (дата обращения: 10.07.2013).
15. Экономический цикл: анализ австрийской школы. – Челябинск : СО-ЦИУМ, 2005. – 220 с.
16. *Скидельски Р.* Кейнс. Возвращение Мастера. – М. : Юнайтед Пресс, 2011. – 253 с.
17. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. – М. : Прогресс, 1978. – 494 с.
18. *Рейнхарт К.М., Рогофф К.С.* На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства. – М. : Карьера Пресс, 2011. – 528 с.

References

1. *Krugman P.* *Vykhod iz Krizisa Est'!* [End This Depression Now!]. Moscow, Azbuka Biznes, Azbuka-Attikus, 2013 [in Russian].
2. *Krugman P.* *Vozvrashchenie Velikoi Depressii?* [The Return of Depression Economics]. Moscow, Eksmo, 2009 [in Russian].

3. Heets' V.M., Grytsenko A.A. *Vykhod iz krizisa (Razdum'ya nad actual'nym v svyazi s prochitannym)* [The way out from a crisis (Reflections about actual things after the reading)]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2013, No. 6, pp. 4–19 [in Russian].
4. Krugman P. How Did Economists Get It So Wrong? Available at: <http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/>.
5. Cochrane J.H. How did Paul Krugman get it so wrong? Available at: <http://modeledbehavior.com/2009/09/11/john-cochrane-responds-to-paul-krugman-full-text/>.
6. Mankiw N.G. *Makroekonomist kak uchenyi i inzhener* [Macroeconomist as scientist and engineer]. *Voprosy Ekonomiki – Questions of Economy*, 2009, No. 5, pp. 86–103 [in Russian].
7. Ryazanov V.T. *Nadnatsional'nye i natsional'nye regulatory v usloviyakh global'noi ekonomicheskoi nestabil'nosti* [Supernational and national regulators under conditions of the global economic instability]. *Vestnik SPbGU. Ser. Ekon. – Bull. St.-Petersburg State Univ. Ser. Econ.*, 2012, Issue 2, pp. 13–32 [in Russian].
8. Ryazanov V.T. *Deglobalizatsiya, ili regulirovanie vmesto deregulirovaniya* [Deglobalization or regulation instead of deregulation]. *Ekonomist – Economist*, 2010, No. 10, pp. 3–19 [in Russian].
9. *Doklad Komissii po otsenke ekonomicheskikh i sotsial'nykh rezul'tatov i sotsial'nogo progressa* [Report of the Commission on estimate of economic and social results and social progress]. *Voprosy Statistiki – Questions of Statistics*, 2010, No. 11, pp. 12–21 [in Russian].
10. Ryazanov V.T. *Neustoichivyy ekonomicheskii rost kak “novaya normal'nost'”?* [The unstable economic growth as a “new normality”?]. *Vestnik SPbGU. Ser. Ekon. – Bull. St.-Petersburg State Univ. Ser. Econ.*, 2013, Issue 4, pp. 3–34 [in Russian].
11. Blanchard O., Dell’Ariccia G., Mauro P. Rethinking Macroeconomic Policy. *Journal of Money, Credit, and Banking*, 2010, Vol. 42 (Supplement), pp. 199–215.
12. Available at: www.imf.org/external/russian/np/blog/2013/042913r.pdf.
13. Blanchard O., Dell’Ariccia G., Mauro P. Rethinking Macro Policy II: Getting Granular. IMF, 2013.
14. Available at: <http://blog-imfdirect.imf.org/2013/05/03/the-lessons-of-the-north-atlantic-crisis-for-economic-theory-and-policy/>.
15. *Ekonomicheskii Tsikl: Analiz Avstriiskoi Shkoly* [Economic Cycle: Analysis of the Austrian School]. Chelyabinsk, SOTSIUM, 2005 [in Russian].
16. Skidelsky R. *Keins. Vozvrashchenie Mastera* [Keynes. The Return of the Master]. Moscow, Yunaited Press, 2011 [in Russian].
17. Keynes J.M. *Obshchaya Teoriya Zanyatosti, Protsenta i Deneg* [The General Theory of Employment, Interest, and Money]. Moscow, Progress, 1978 [in Russian].
18. Reinhart C.M., Rogoff K.S. *Na Etot Raz Vse Budet Inache. Vosem' Stoletii Finansovogo Bezrassudstva* [This Time Is Different: Eight Centuries of Financial Folly]. Moscow, Kar'era Press, 2011 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 15 января 2014 г.